

НЕОЖИДАННОСТЬ ИСКУССТВА

Известия, г. Москва 1962, 19 VII.

Сцена из спектакля «Медея».

Фото Ю. Зенковича.

ПОСЛЕ этого спектакля сразу же захотелось перечитать Еврипида. Что случилось, как смогла Верико Анджапаридзе сыграть Медею так, что страшное деяние этой женщины — убийство собственных детей — воспринимается не как ужасное, чудовищное злодеяние, а как трагический шаг, вызванный неотвратимыми обстоятельствами? Ослепляющая ревность — вот тот мотив, который первым вспоминается при имени Медеи. Еврипид так и говорит: ревность, разве это так мало для женщины? Но, кроме этого, лежащего, так сказать, на поверхности и житейски наиболее удобопонятного объяснения, в драме существует множество других причин, может быть, и не столько очевидных, но для В. Анджапаридзе и А. Чхатишвили — постановщика «Медеи» в Тбилисском театре им. Марджанишвили — главных и определяющих.

Конечно, ревность, но рядом с ней — обманутое доверие, рядом с ней — поппанная гордость, рядом с ней — полное одиночество на чужбине. Эта тема — тема человека, разлученного с родиной и теперь, в горький час, осознавшего весь груз своей потери, — очень явственно звучит у актрисы и придает

ее Медее те черты неожиданности, которые так дороги в искусстве.

Казалось бы, грузинский театр, признанная трагедийная актриса, роль, требующая от исполнителя открытого, бурного темперамента, и вдруг — не столько яростная, сколько мрачная фигура, не столько неистовые вопли отчаяния, сколько загнанное внутрь себя, испепеляющее пламя. Оно потом, на одно страшное мгновение, вырвется наружу, а пока бушует изнутри, накаляя и без того накаленную атмосферу.

Трагедию в этот спектакль вносят не столько обстоятельства, хотя сами по себе они более чем драматичны; трагедия рождается от мироощущения Медеи. Все то, в чем, не таясь, исповедуется она теперь перед хором, — все это давняя боль, давние мысли, давние сомнения. Предательство Язона лишь вызвало их наружу, а так, внутренне, Медея давно уже была готова к тому, что гармония и целостность жизни могут быть враз нарушены. Именно это горькое сознание дает ей силы, вооружает и закаляет ее. Но оно же вместе с тем самым предательским образом оборачивается против героини.

Однако об этом — немного спустя. Сейчас — несколько слов о спектакле, о современном звучании работы марджановцев. Это достигается отнюдь не внешними средствами — осовременивания здесь нет и в помине, — но внутренним настроением постановки. Внешне же все соотносится с античностью, во всяком случае не противоречит нашим сегодняшним о ней представлениям. Удивительно слитен хор коринфянок, красивый и пластичный. Его движения — точно размеченные и графически четкие — вместе с тем полны изящества и смысла. Все эти женщины — блеском, молодостью, сверканием — контраст Медеи, у которой одной страдания принимают грубую, неэстетическую, как и подбавляет ей, варварке, форму. Сцена почти не оформлена — нет даже портика дома, где совершается убийство. Но зато, когда вы приходите в театр, на подмостках его возвышается серый, из грубых больших камней постамент. На нем два слова: Еврипид, Медея. Это памятник трагике и трагедии. Но вместе с тем это плита, которая опускается к ногам героини, когда она, вся в черном, появляется из-за кулис.

Но строгость и условность решения не воспринимаются как самоцель. Они не кричат о себе — они лишь активный фон, на котором разворачивается действие. Фон этот не стараются сделать похожим на наш, сегодняшний. Еврипид все-таки есть Еврипид, и оттого внутреннее современное представление вырисовывается особенно отчетливо. Речь, конечно, не о прямых аналогиях, но дисгармоничность, ощущение несоответствия между естественным представлением человека о правде, счастье, справедливости и тем, что подается под их видом, — чтобы понять эту мысль спектакля, не нужно переводчика.

Он не нужен и для того, чтобы мы в полной мере смогли ощутить трагическую вину героини. Приняв и в силу характера доведя до абсолюта законы того общества, от которого сама терпит, Медея сама готовит себе нравственную гибель. Мы верим, что героиня В. Ан-

джапаридзе убивает сыновей не из ревности. Она боится, что враги поступят с ними так же, как она сама поступила с царем Креоном и его дочерью. Но преступление рождает преступление, — таков итог, каковы бы ни были побудительные мотивы. И потому не торжествующей, упоенной мстостью выходит Медея из страшного чертога. Она спо-

койна, но это спокойствие отчаяния; она холодна, но это холод смерти, которая коснулась не только ее сыновей, но и ее самой.

Катарсис (очищение) — непреходящий спутник античной трагедии — присутствует и здесь, хотя в несколько неожиданном повороте. Поверив в правоту неправды, Медея совершает самое страшное, что может совершить человек, и только тогда, наконец, осознает истинную цену вещам. Во всяком случае в это веришь, глядя на В. Анджапаридзе...

Казалось, что после «Медеи» нельзя было ждать от театра им. Марджанишвили, который гастролирует сейчас в Москве, столь же сильных впечатлений. И вправду — таких не было, хотя была радость от встречи с другими интересными, одаренными исполнителями. Почти все актеры — С. Такашвили, М. Джапаридзе, А. Жоржолани, Г. Костава, П. Кобахидзе, Е. Кипшидзе были знакомы нам по прежним работам. Но одно имя прозвучало впервые. Софья Чиаурели сыграла Хару в драме Н. Перьялиса «Девочка с ленточкой», и исполнение этой роли позволило говорить о рождении нового и большого дарования. Хотелось, чтобы это была не случайность, — ведь искусство живо в первую очередь талантом своих создателей.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.